

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИЗДАНИЙ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

А. И. ЖУРАВСКИЙ
(Минск)

Скорининская эпоха в истории белорусской культуры известна как период значительного расширения общественно-культурных функций белорусского литературного языка и интенсивной выработки его орфографических, грамматических и лексических норм. Белорусский письменный язык того времени, став государственным в Великом княжестве Литовском, надежно закрепил свои позиции в сфере делового употребления. Он использовался также для удовлетворения духовных запросов тогдашнего образованного общества, на нем создавались оригинальные летописи и другие художественные произведения, на белорусский язык переводились и популярные в средние века воинские повести вроде «Александрии» и «Троянской истории». Укрепление роли белорусского литературного языка особенно выразительно проявилось в факте использования его и для религиозных целей, о чем свидетельствуют переведенные в конце XV в. такие апокрифические и агиографические произведения, как «Страсти Христовы», «Повесть о трех королях-волхвах» и «Житие Алексея человека божия».

Расширение общественных и культурных функций белорусского литературного языка того времени сопровождалось неуклонным процессом демократизации его путем сознательного или стихийного вытеснения из письменности архаических древнерусских и церковнославянских языковых черт и замены их соответствующими средствами живой белорусской речи. Отмеченный процесс наиболее активно проводился в светской литературе, но вскоре он распространился и на конфессиональные произведения.

Существенной особенностью развития белорусской письменности было также и то, что на белорусской почве значительному воздействию со стороны народноразговорного субстрата подвергся и церковнославянский язык, который на протяжении всего древнего периода оставался официальным языком православной церкви. Как замечает чешский исследователь А. В. Флоровский, у восточных славян реакция против церковнославянского языка в сторону языка народного не явилась сколько-нибудь резким и решительным отпадом от церковно-культурной стихии. Приближение языка книг священного писания к живой речи у православных славян могло про-

исходить более спокойно и естественно, без взрыва или разрыва с церковнославянской традицией¹.

Насыщение церковнославянских текстов грамматическими и лексическими белорусизмами в конечном итоге привело к возникновению отдельной, белорусской редакции церковнославянского языка². Белорусский первопечатник и просветитель Франциск Скорина как раз и оказался одним из начинателей этого прогрессивного для своего времени языкотворческого процесса.

Издательско-переводческая деятельность Скорины и язык его изданий уже давно обратили на себя внимание исследователей, но и до настоящего времени среди ученых нет единства в оценке его языка со стороны структурно-материального выражения. Отсутствие единых взглядов при характеристике языка Скорины объясняется прежде всего некоторой односторонностью в изучении его письменного наследия. Во-первых, при изучении языка Скорины исследователи обращаются обыкновенно к его переводным пражским изданиям, оставляя в стороне «церковнославянские» скорининские книги — пражскую «Псалтырь» и вильнюсские «Апостол» и «Малую подорожную книжицу». Во-вторых, литературное наследие Скорины привлекает к себе внимание главным образом с точки зрения отражения в нем особенностей живой белорусской речи. Наслоения же других языковых стихий, их удельный вес и стилистическая роль в общей системе языка Скорины, как правило, остаются в стороне. В-третьих, изучение языка Скорины обычно проводится без сопоставления его с соответствующими средствами белорусского литературного языка предыдущего и последующего периодов. Наконец, точному решению вопроса о языке Скорины мешает и отсутствие единой методики исследования: историки и литературоведы обыкновенно при оценке языка Скорины исходят главным образом из его общественно-функциональной роли, тогда как большинство языковедов отдают предпочтение анализу соотношения структурных элементов в системе языка скорининских изданий.

Важнейшим исследованием языка Скорины до настоящего времени остается специальный раздел в монографии П. В. Владимирова, опубликованной в конце прошлого века³. Скорининские издания П. В. Владимиров рассматривал как памятники белорусской речи начала XVI века. Он добросовестно выбрал из изданий Скорины важнейший белорусский языковой материал, но исследователь менее всего интересовался тем, какое место занимает этот материал в общей системе скорининского языка. В связи с этим рецензенты П. В. Владимирова совершенно правильно отмечали, что характеристика языка Скорины у П. В. Владимирова получилась невырази-

¹ Флоровский А. В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности.—, „Sbornik Filologický“ sv. XII, Praha, 1940—1946, стр. 169.

² См. Журавский А. Й. Про білоруський варіант церковнославянської мови. «Мовознавство», 1967, № 4.

³ Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб, 1888.

тельной, и для читателя остается неясным, действительно ли в изданиях Скорины надо видеть разговорный язык образованных белорусов того времени, или это был искусственный жаргон, созданный из эклектического сочетания белорусской, церковнославянской, польской и чешской стихий⁴.

Несколько позже П. В. Владимиров, видимо, посчитавшись с мнением своих рецензентов, более сдержанно высказался о языке белорусского первопечатника. Характеризуя в 1900 году Скорину как основоположника литературного языка юго-западной Руси, П. В. Владимиров отмечал, что язык его изданий смешанный, необработанный, но в нем отражаются элементы белорусской речи⁵.

Многие позднейшие исследователи свои выводы относительно языка Скорины основывали исключительно или преимущественно на материале П. В. Владимирова и старались развить взгляд на Скорину как на основоположника белорусского литературного языка древнего периода. Этот взгляд в послевоенное время получил дальнейшее развитие в специальной статье Т. П. Ломтева⁶. Подобную оценку Скорины позже дал и Н. А. Алексютович, по мнению которого Скорина был первым деятелем белорусской культуры, который использовал языковой материал народа и ввёл в литературу основные черты белорусского языка⁷. Гиперболизированный характер таких суждений обоснованно был вскрыт Л. М. Шакуном, но и сам этот исследователь в известной мере отдает дань своим предшественникам, утверждая, что с деятельностью Скорины связан процесс дальнейшего закрепления в старобелорусской письменности важнейших фонетических и грамматических особенностей живой белорусской речи, ее лексики и фразеологии, развитие и усовершенствование средств и приемов литературного выражения за счет книжнославянских стилей и народного языка⁸.

Однако задолго до П. В. Владимирова польский языковед С. Б. Линде, ознакомившись с отрывками из скорининских изданий, еще в 1816 году утверждал, что в переводах Скорины церковнославянский язык значительно преобладает над белорусским⁹. Более категорически о церковнославянской основе языка изданий Скорины высказался крупнейший историк русского языка конца прошлого столетия А. И. Соболевский. В рецензии на книгу П. В. Владимирова он писал: «Множество форм аориста, имперфекта, очень часто неправильных, всевозможных славянских форм и слов, находящихся в его переводе,

⁴ Murko A. Zur russischen Literaturgeschichte.— „Archiv für slavische Philologie“, zwölfter Band, Berlin, 1890, стр. 256—257; Будилович А. Сочинения профессора П. В. Владимирова. А. Жизнь Алексея, человека божия. Б. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык.— Записки имп. Академии наук, т. 69, кн. I, СПб, 1882. Приложение, стр. 34.

⁵ «Энциклопедический словарь». Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXX. СПб, 1900, стр. 228.

⁶ Ломцей Ц. Скарына як пачынальнік беларускай літаратурнай мовы. «Беларусь», 1945, № 3.

⁷ Алексютовіч М. А. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1958, стр. 66.

⁸ Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963, стр. 126—127.

показывает, что он имел в виду издать библию на славянском языке и что он сделал для этого все то небольшое, что мог. При крайней слабости знания славянского языка в юго-западной Руси его времени, при необходимости работать вдали от людей сколько-нибудь сведущих в этом языке, для человека вроде Скорины едва ли возможно было овладеть славянским языком лучше, чем овладел он»¹⁰.

Мнение А. И. Соболевского позже полностью разделял и И. В. Волк-Леванович, который утверждал, что у Скорины в основном церковнославянский язык с сильным элементом живой белорусской речи и со следами литературного влияния чешского и польского языков¹¹. Французский славист А. Мартель также считал, что Скорина в своей деятельности не мог руководствоваться сознательным стремлением сделать понятным традиционный язык библии, поскольку сам Скорина рекомендовал своим читателям изучать грамматику по «Псалтыри», изданной им на церковнославянском языке¹². Церковнославянскую основу языка Скорины признавал и крупнейший современный скоринист, чешский исследователь А. В. Флоровский¹³.

Не может быть никакого сомнения, что относительно точное представление о языке изданий Скорины можно получить только на основе специального анализа всех его книг,— как пражских, так и вильнюсских. Кроме того, выводы по этому вопросу могут быть надежными и убедительными, если они будут основываться не на выборочном материале, а на изучении совокупности всех языковых фактов как системы. Первостепенное значение при этом должна иметь количественная оценка языкового материала. Все это требует специального монографического исследования, поэтому в настоящее время можно ограничиться лишь соображениями общего характера.

Обычно принято считать, что «Псалтырь», «Апостол» и «Малую подорожную книжицу» Скорина издал на церковнославянском языке. По этой причине указанные книги не привлекают внимания исследователей, которые обыкновенно черпают материал из пражских изданий белорусского первопечатника. Но язык вильнюсских изданий Скорины нельзя изучать в отрыве от более ранних пражских публикаций библейских книг.

Переведенные и изданные Скориной в Праге библейские книги характеризуются значительным количеством грамматических и лексических особенностей белорусского языка. Из грамматических черт белорусского происхождения, отраженных в переводах Скорины,

---

⁹ Linde S. B. O statucie litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość, Warszawa, 1816, стр. 19.

¹⁰ Соболевский А. И. «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». Исследование П. В. Владимирова.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1888, октябрь, стр. 328.

¹¹ Войц-Леванович Я. Мова выданая Францішка Скарыны.— «400-лецце беларускага друку». Мінск, 1926, стр. 263.

¹² Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche, 1569—1667. Lille, 1938, стр. 104—105.

¹³ Флоровский А. В. Чешская библия... , стр. 169.

следует отметить прежде всего многочисленные случаи употребления окончания *-у/-ю* в родительном падеже существительных мужского рода. Это окончание закрепляется даже за предметными существительными и топонимическими названиями (*возу, стогу, столу, египту, дамаску*). У Скорины по существу впервые в качестве вариантной нормы существительных основ на *-о* в дательном падеже употребляется окончание *-ови/-еви* (*гневи, лекареви, львови, мужеви*). Новым явлением для скорининских текстов следует считать использование окончания *-ове/-еве* в именительном падеже множественного числа (*волотове, внукове, гробове, гарове, докторове, коневе*). Господствующей нормой является также и новое окончание *-овъ*, распространенное на существительные основ на *-о* из прежних основ на *-и* (*боевъ, враговъ, даровъ, класовъ, нравовъ*).

В системе прилагательного обращают на себя внимание формы родительного падежа единственного числа, где часто употребляется собственное белорусской письменности окончание *-ого/-его* (*белого, вечного, грешного, доброго, чистого*). Заметную белорусскую окраску текстам Скорины придают очень распространенные формы прилагательных женского рода родительного падежа с окончанием *-ое/-ее* (*велькое славы, далекое земли, сильное обороны*).

В системе глагола выделяется мягкое окончание *-ть* в формах 3-го лица настоящего и будущего времени единственного и множественного числа (*будеть, говорить, пишеть, плачуть, рекуть*). Наконец, переводы Скорины заметно отличаются от церковнославянского языка наличием большого количества форм настоящего и будущего времени и повелительного наклонения с окончанием *-мо* и *-мы* в I лице множественного числа (*бежимо, возмимо, идемо, даемы, просимы*).

Скорининские переводы насыщены такими лексическими, белорусизмами как существительные *бокъ, ботъ, вежа, волотъ, гай, гукъ, клопотъ, краина*, глаголы *втекати, забити, заховати, мовити, обещати, пановати, робити*, прилагательные *гаремный, гробный, горослый, збройный, лагодный, певный, пилный* и т. д.

Перечисленными чертами, конечно, не ограничивается количество белорусских особенностей, которые отмечаются в текстах Скорины. Перечень их можно значительно увеличить за счет многочисленных второстепенных, менее распространенных явлений, которыми насыщены тексты скорининских переводов¹⁴. Однако и приведенного материала достаточно, чтобы убедиться, что грамматический строй и лексический состав переводов Скорины существенно сближается с нормами тогдашней белорусской письменности.

Тем не менее надо признать, что в общей системе языковых средств скорининских переводов церковнославянские черты все же преобладают.

Для определения сущности языка Скорины целесообразно воспользоваться статистическим учетом того, каким материалом — бело-

¹⁴ См. Жураўскі А. І. Мова друкаваных выданняў Ф. Скарыны.— «450 год беларускага кнігадрукавання». Мінск, 1968, стр. 286—295.

русским или церковнославянским — заполняются в каждом конкретном тексте те звенья фонетической системы, грамматического строя и лексического состава, которые получали различную реализацию в белорусском и церковнославянском языках.

Так, применительно к белорусской письменности особенно показательными и яркими чертами являются, например, полногласные и неполногласные формы (*ворогъ, голова, золото и врагъ, глава, злато*), отглагольные существительные на *-ье, -ие* (*несенье, писанье, хотенье и несение, писание, хотение*), форманты *ч* и *щ* в причастиях (*живучий, идуций, несучий* и *живущий, идущий, несущий*), формы глаголов второго лица единственного числа настоящего времени на *-шь* и *-ши* (*берешь, идешь, несешь* и *берешь, идиши, несеши*), окончания прилагательных родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода *-ого* и *-аго* (*живого, нового, старого* и *живаго, новаго, стараго*) и т. д.

Наложение этой сетки из пяти основных признаков на тексты изданий Скорины дает основание, как кажется, более определенно говорить о языке его переводов. С этой точки зрения нами были обследованы пять книг из «Библии» Скорины (общий объем обследованного текста составляет 458 страниц издания). При этом выявилось, что существительных на *-ие* типа *писание, хотение* у Скорины 99% и только 1% подобных существительных на *-ье*. Неполногласных форм типа *врагъ, голова* у Скорины 97% и лишь 3% полногласных типа *ворогъ, голова*. Причастий на *-щ-* 92%, глаголов на *-ши* 67% и прилагательных на *-аго* 47%.

Из приведенных данных видно, что только по одной черте — использованию окончаний прилагательных *-ого* и *-аго* — язык переводных пражских изданий Скорины можно было бы назвать смешанным церковнославянско-белорусским. Все же остальные изученные особенности со всей очевидностью указывают на церковнославянскую основу языка переводов белорусского первопечатника.

Значительное воздействие белорусского народно-разговорного субстрата заметно отразилось и на языке вильнюсских изданий Скорины, в частности, на языке «Псалтыри», изданной в 1522 году в составе «Малой подорожной книжицы». Сравнение этого памятника с текстом псалтыри Острожской библии 1581 года и позднейшими церковнославянскими псалтырями показывает, что скорининский текст, хотя и самый ранний, особенно полно отражает живую народную речь. С другой стороны, Острожская библия характеризуется наиболее архаизированным типом языка.

Кроме многочисленных черт, которые отражают общую эволюцию церковнославянского языка восточнославянской редакции, в «Псалтыри» Скорины можно отметить ряд явлений, не закрепившихся в позднейшей церковнославянской письменности. В орфографии этого памятника обращают на себя внимание такие особенности, как смешение *ъ* и *е* (*векъ, ветръ, грехъ, дело и врѣмя, дрѣво, льсть*), отражение перехода *у* в *у* неслоговое (*вбогъ, навчи, во вжасе*), упо-

требление *e* вместо *A* (*память, помену, тысяща*), наличие приставочного *и* (*urge, ильстивый*), употребление *ж* и *ч* вместо *жд, ц* (*огежа, посажати, поропчють*) и т. д.

Отличия скорининской «Псалтыри» от текста Острожской библии выявляются также и в грамматическом строе. Одни из них имеют sporadический характер, другие выдерживаются более или менее последовательно и выступают в качестве вариантной нормы. Например, личное местоимение *ты* и возвратное *себя* в дательном и предложном падежах употребляются в виде *тобе, собе* (при формах *тебъ, себъ* Острожской библии). Энклитическим формам местоимений Острожской библии *ми, ти, мя, тя* у Скорины очень часто соответствуют полные формы *мнъ, тобъ, менъ, тебъ*. Притяжательные местоимения *мой, твой, свой* в скорининской «Псалтыри» в именительном и винительном падежах множественного числа употребляются с окончанием *-е* (*мое, твое, свое* при формах *мои, твои, свои* Острожской библии). Такое же окончание имеют и причастия на *-иц-* (*воюющие, делающие, живущие*), которые в Острожской библии оканчиваются на *-еи*. Эти же причастия в родительном падеже иногда оканчиваются на *-его* (*венчающего, живущего, уповающего*). В системе глагола наиболее показательной чертой, сближающей язык Скорины с живой народной речью, является последовательное употребление мягкого окончания *-ть* в формах 3-го лица единственного и множественного числа (*даеть, живеть, любитъ, ходять, предварять*). Формам аориста Острожской библии типа *избави, обрати, позна* у Скорины часто соответствуют совершенные образования вроде *избавилъ, обратилъ, позналъ*. В формах повелительного наклонения скорининского издания иногда отсутствует неударенное *-и* (*избавте, ненавидьте, слыште при избавите, ненавидите, слышите* Острожской библии).

Широко представлены у Скорины и лексические замены, отражающие стремление сблизить лексический состав псалтыри со словарем живой белорусской речи. Например, слову *страна* Острожской библии у Скорины соответствует *бокъ*, далее *абіе* — *скоро, выну* — *всегда, лукавый* — *злый, нищий* — *бедный, пріати* — *взяти, упование* — *надежа, языкъ* — *народъ* и т. д.¹⁵

Почти все такие особенности характерны и для «Апостола» Скорины¹⁶. Значительное количество грамматических и лексических бе-

¹⁵ Многие другие языковые особенности «Псалтыри» Ф. Скорины описаны А. А. Паруковым в статьях: Важнейшая архаграфічная асаблівасці перакладных выданняў Скарыны.— «Рэгіянальны асаблівасці беларускай мовы, літаратуры і фальклору». Гомель, 1973; Его же, Дзеяслоўныя формы ў перакладных выданнях Скарыны.— «Вопросы общественных и гуманитарных наук» (Материалы II научной конференции), вып. I, Гомель, 1974. Его же, Некаторыя марфалагічны асаблівасці перакладных выданняў Скарыны.— «Беларуская мова і мовазнаўства», вып. II, Мінск, 1974; Его же, Словаўварынальная сістэма назоўнікаў у перакладных выданнях Скарыны.— «Беларуская мова і мовазнаўства» вып. III, Мінск, 1975.

¹⁶ См. Апрымене А. Ю. Некаторыя асаблівасці займеннага скланення ў «Апостале» Ф. Скарыны.— «Весті Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук», 1975, № 5; Ее же. Асаблівасці дзеяслоўных форм у «Апостале» Ф. Скарыны.— «Беларуская лінгвістыка», вып. 7, 1975.

лорусизмов в «Псалтыри» и «Апостоле» Скорины существенно отличается эти издания со стороны языка от традиционных церковнославянских текстов восточнославянской редакции. Тем не менее эти книги Скорины нельзя назвать переводом на белорусский язык, ибо церковнославянская языковая основа их остается очевидной и неоспоренной.

Язык церковнославянских изданий Скорины начал изучаться в самое последнее время, поэтому сейчас еще нет возможности точно определить генезис отмеченных выше белорусизмов в этих памятниках. С одной стороны, допустимо считать, что многие грамматические и лексические белорусизмы могли уже существовать в списках, которыми воспользовался Скорина при издании этих текстов. Древние белорусские рукописи, как это уже давно замечено исследователями, вообще выделяются стремлением переписчиков сделать понятным для читателя славянский текст своих оригиналов путем замены церковнославянских форм и слов местными белорусскими.

Но нет также оснований сомневаться в том, что многие из отмеченных выше особенностей скорининских изданий были внесены в текст самим Скориной. Более ста лет назад А. Е. Викторов подчеркивал, что разночтения в скорининской «Псалтыри» взяты издателем не из оригинала, бывшего у него под руками, а принадлежат самому Скорине, который для ясности намеренно исправлял текст «Псалтыри», вводя местные формы и выражения и заменяя ими устаревшие славянские речения¹⁷.

В своей совокупности все эти инновации значительно отдаляли скорининский язык от традиционного церковнославянского языка восточнославянской редакции и поставили вильнюсские издания Скорины в один ряд с памятниками, образующими белорусский вариант церковнославянского языка.

Следует заметить, что Скорина принадлежал к числу тех белорусских культурных деятелей начала XVI века, которые сознавали, что в Белоруссии их времени употреблялись два письменных языка — белорусский и церковнославянский (по тогдашней терминологии — «русский» и «словенский»). На это указывает, в частности, следующее место из предисловия в пражскую «Псалтырь» 1517 года: «И видечи таковыя пожитки в так малой книзе, я, Францишек, Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повълел есми Псалтырю тиснути рускими словами а словенским языком»¹⁸. Выражение *рускими словами* расшифровывается самим издателем в другом месте предисловия: «Так же положил есми на боцех некоторые слова для людей простых, не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же, яко суть онагри и геродеево жилище и хлябие и иные слова,

¹⁷ Викторов А. Е. Замечательное открытие в древнерусском книжном мире (Первая книга, напечатанная доктором Фр. Скориной). — «Беседы в обществе любителей российской словесности», вып. I, М., 1867, стр. 15.

¹⁸ Францишк Скарына. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969, стр. 11.

которые суть в Псалтыри неразумны простым людем, найдуть е на бодех руским языком, что которое слово знаменуеть»¹⁹.

Весьма показательным является факт, что язык всех своих пражских изданий, за исключением «Псалтыри», сам Скорина называет русским (то есть белорусским), ср. «Предъсловие доктора Франьциска Скорины с Полоцька во всю бивлию рускаго языка». Это свидетельствует, что сам Скорина осознавал отличие языка его изданий от традиционного церковнославянского языка священного писания. Но объективно есть основание считать, что разграничивать практически грамматические и лексические средства белорусского и церковнославянского языков для Скорины было делом нелегким.

В этом отношении представляет интерес следующий факт. В «Книге судей израилевых» повествуется, как галаадитяне при переправе через реку Иордан выявляли своих врагов ефремян, заставляя последних произносить трудные для них галаадитские слова. У Скорины этот эпизод передается следующим образом: «И егда на ты броды некто от ефраимлян прибежаше и глаголаше прошу вашь пустите мя у бродъ, да иду на другую страну. Тогда пыташа его галаадстии: едали ефраимлянинъ еси. Он же отвещаваше: несмъ. Рекоша к нему рцижь тое слово Цевволах еже по рускии сказуется клась. Тои же глаголаше Тевволах тымъ словомъ не можа вымолвити Цевволах познали его, тогда скоро иняли и убили ѝ ту у броду Юрданскаго».

Из этого отрывка явствует, что неполногласную южнославянскую форму *клась* «колос» Скорина считал местной, белорусской, хотя в письменности на белорусском языке в XVI в. слово *колосъ* является обычным. Эта невыразительность в разграничении белорусских и церковнославянских языковых средств явилась следствием того, что в письменности на белорусском языке времен Скорины важным ингредиентом являлись грамматические и лексические церковнославянизмы.

В целом следует отметить, что система языковых средств Скорины — явление сложное и своеобразное. Признание его языка церковнославянским ни в какой мере, конечно, не снижает лингвистической ценности скорининских изданий и их места в истории белорусской культуры.

Заслуга Скорины состоит в том, что он в соответствии с требованиями своего времени создал особый тип письменного языка, аналога которому невозможно найти у восточных славян того времени. Изданием адаптированного текста «Псалтыри», «Апостола» и «Малой подорожной книжицы» Скорина по существу продолжал линию своих предшественников, многочисленных безымянных книжников конца XV — начала XVI вв., которые руководствовались сознательным стремлением сделать понятным для читателей церковнославянский текст путем замены многих церковнославянских форм и слов местными белорусскими. Эти издания Скорины принадлежат к белорусскому варианту церковнославянского языка. Они показывают,

¹⁹ Там же, стр. 12.

что белорусский вариант церковнославянского языка создавался усилиями образованных книжников с подчеркнутой целью сделать понятным и доступным церковнославянский текст.

Введение Скориной непосредственно в священное писание грамматических форм и лексических средств живой белорусской речи имело решающее значение для последующей судьбы религиозной письменности в Белоруссии. Скорина дал беспрецедентный для восточных славян образец включения средств народного языка в профессиональную литературу и тем самым порвал многовековую традицию использования для этих целей конвенционального церковнославянского языка с его омертвевшими формами и лексикой. Намеченное Скориной направление развития белорусского литературного языка в религиозных жанрах нашло дальнейшее продолжение в деятельности таких последователей скорининских традиций, как С. Будный, В. Тяпинский, С. Зизаний, Л. Карпович, М. Смотрицкий и многие другие анонимные авторы второй половины XVI — начала XVII вв., которые в своих религиозно-просветительских целях уже полностью перешли на белорусский язык. Благодаря этому белорусский литературный язык фактически стал вторым официальным языком при обслуживании религиозных нужд белорусского населения, не говоря уже о других сферах общественной и культурной жизни, где белорусский язык оставался господствующим на протяжении всего древнего периода.